
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ: ИДЕИ Л.И. АНЦЫФЕРОВОЙ
И ИХ РАЗРАБОТКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

© 2014 г. Е. А. Сергиенко

*Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН
e-mail: elenas13@mail.ru*

В ходе анализа научного наследия Л.И. Анцыферовой выделяются её идеи, относящиеся к психологии развития: принцип развития в психологии, соотношение понятий субъекта и личности, возрастные периоды жизни человека (в частности, проблема старения). Показана современность и продуктивность этих идей и дальнейшая их разработка в научных исследованиях. Аргументируется содержательная взаимосвязь принципа развития в психологии с принципами непрерывности, антиципации, субъектности. В продолжение идей Л.И. Анцыферовой о соотношении субъекта и личности предлагается гипотеза о них как о неразрывных ипостасях человеческой индивидуальности, непрерывно развивающихся в онтогенезе. Высказанное Анцыферовой положение о продуктивном старении на основе реорганизации личности рассматривается через призму координат субъективной возрастной идентичности (субъективного возраста человека). Показано, что идеи Л.И. Анцыферовой служат современными ориентирами в разработке проблем психологии развития и психологической науки в целом.

Ключевые слова: психология развития, принцип развития в психологии, непрерывность развития, принцип антиципации, принцип субъектности, соотношение субъекта и личности, успешное старение, субъективный возраст.

Обращаясь к работам Л.И. Анцыферовой, всегда удивляешься новым открытиям в уже знакомых текстах ее статей и книг, богатству и насыщенности идеями, ясной авторской позиции, научной и человеческой мудрости. Научные идеи Л.И. Анцыферовой можно отнести ко многим областям психологии: методологии науки, психологии личности, психологии развития, геронтопсихологии. Ее человеческая и научная целостность была реализована в ее работе в Институте психологии РАН и воплощена в ее трудах. Тексты Л.И. Анцыферовой пронизаны верой и любовью к своей науке, своему предмету, глубоким уважением к коллегам, известным и неизвестным ученым. Из всего богатства и многообразия научных идей Л.И. Анцыферовой проанализируем только некоторые вопросы психологии развития, которые разрабатывались ею и стали неотъемлемой составной частью работ в этой области.

Среди стратегических идей Л.И. Анцыферовой остановимся на трех обозначенных и разрабатываемых ею вопросах: методологическом принципе развития, соотношении категорий субъекта

и личности и некоторых проблемах геронтопсихологии.

Разрабатывая методологические вопросы психологии, Л.И. Анцыферова обращалась к принципу развития. В качестве одной из основных характеристик в раскрытии принципа развития она, вслед за А.В. Брушлинским, выделяла непрерывность развития психики. Указывая на континуальность и непрерывность постоянно развивающегося процесса, она пишет: “Это положение по-новому раскрывает значение принципа развития в психологии: он выходит далеко за рамки возрастной, детской, педагогической психологии и определяет самую природу психики человека, способ ее функционирования, присущую психике эмерджентность, т.е. способность переходить в новые качественные состояния, нести в себе зародыши будущих психических свойств индивида” [1, с. 20]. Среди важнейших проблем психологии развития Л.И. Анцыферова выделяет гетерохронность развития разных компонентов психики, разный темп их формирования, “периоды спада и подъема в разные возрастные периоды, меняющиеся сочетания прогрессивных, регрессивных

и стагнирующих тенденций развития на разных этапах жизненного пути” [там же, с. 22].

Положения, выдвинутые Л.И. Анцыферовой о принципе развития, становятся вектором дальнейших научных разработок. В продолжение этих идей предпринята попытка раскрыть содержание принципа развития, который с необходимостью включает такие закономерности развития как континуальность, дифференциация–интеграция, антиципация и субъектность.

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Принцип непрерывности (континуальности) психического развития означает взаимосвязанность всех этапов развития человека, их эволюционную подготовленность, связь филогенеза, саморазвитие системной организации психики, генетико-средовые координаты психических изменений. Принцип непрерывности поднимает вопрос о дискретности в развитии, которая очевидно выражена в возникновении новых качеств, стадий, этапов. “Сущность любой формы, любой морфологии выражается дискретностью свойств, однако функции, лежащие в основе любой количественной модели, должны быть непрерывными” [13, с. 147]. Используемые в биологическом моделировании системы непрерывных (континуальных) функций способны порождать дискретные структуры.

Принцип антиципации тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Антиципация рассматривается как имманентное свойство всех психических процессов в их развитии.

Вопрос о потенциале дифференциации также может быть поднят в связи с реализацией принципа антиципации: готовностью к развитию. На этой основе разрабатываются представления о ядерных системах знаний, становлении познания [9].

РЕГРЕСС КАК АНТИЦИПИРУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ

Возможны регрессивные и тупиковые линии развития, однако эти типы развития не являются проявлениями деградации. Регрессивное развитие существенно отличается от прогрессивного, но, тем не менее, также представляет собой качественное преобразование системы. Регресс ха-

рактеризуется таким движением исходных форм, которое приводит к понижению уровня их организации, к сужению функциональных возможностей системы, возрастанию ее специализации, снижению зависимости от частных элементов среды, замедлению темпов ее развития. Применительно к психическому развитию человека регресс становится ведущей формой на поздних стадиях индивидуального жизненного пути, когда резкое снижение функциональных возможностей индивида ведет к сужению его временной перспективы, обеднению системы жизненных отношений и сферы интересов при адаптации к ограниченной социальной среде [2].

Нам представляется, что регрессивные формы развития по всем выделенным критериям (системному, информационному, энергетическому, экологическому) можно рассматривать как подготовительные, антиципирующие, так как они позволяют организму, индивиду, личности адаптироваться в отношениях с миром с учетом инволюции.

Регрессивные формы развития характерны не только для поздних этапов онтогенеза человека, но и наблюдаются как закономерная стадия на протяжении всего периода онтогенеза, когда происходит перестройка системы организации той или иной функции и поведения. Например, поворот головы и/или глаз на звук отмечается уже у новорожденных детей, что свидетельствует об интермодальном взаимодействии слуховой и зрительной систем. Однако в 2-х месячном возрасте эта способность резко редуцируется, повороты в сторону звука наблюдаются редко. Но к 4-м месяцам зрительно-звуковое взаимодействие начинает функционировать на более высоком уровне организации, обеспечивая точную пространственную ориентацию головы и глаз младенца на звучащий объект. Подобный U-образный характер развития отмечается во многих видах поведения (имитации, произнесении фонем и других видах активности). Ярким примером регресса психического развития в онтогенезе является ранний подростковый возраст, связанный с кардинальной перестройкой в организации психических и психофизиологических функций. Подростки 11–14 лет характеризуются дефицитом внимания, произвольности, памяти, снижением самооценки, резким усилением аффективности и другими известными проявлениями, которые относят к видимому регрессу в развитии психических функций. Данный регресс есть свидетельство разрушения старых систем организации психического и становления новых систем, т.е. регрессивный характер развития есть

результат зарождения нового уровня психической организации.

Подобные изменения описаны в теории катастроф Рене Тома (*Thom*) и Кристофера Зимана (*Zeeman*), сформулированной в конце 1960-х – начале 1970-х годов (“катастрофа” в данном контексте означает резкое качественное изменение объекта при плавном количественном изменении параметров, от которых он зависит) [по 6]. В данной теории реорганизация системы, введение новых элементов сначала приводят к падению эффективности функционирования, а затем к росту и усилению устойчивости этой системы. Следовательно, в данном отношении, регресс – закономерный этап в развитии человека, носящий временный характер. Однако фазы регресса необходимо отличать от регрессивного развития, которое не только необратимо, но и ведет к снижению уровня функционирования и организации поведения. Такие регрессивные формы развития наблюдаются при манифестации генетических заболеваний (например, аутизме или шизофрении) и описаны в клинической психологии. Разведение и критериальное различение регресса как фазы развития и регресса как патологического процесса становится значимой задачей для психологии. Важно то, что регресс сам по себе также является маркером будущих изменений, т.е. антиципирующим признаком развития.

Принцип субъектности тесно связан с принципом неопределенности, который теоретически и эмпирически разработан в работах Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова и их учеников [4, 5]. Они обосновывают переход к принципу неопределенности в психологии с необходимостью включения человека как “непрозрачного” наблюдателя в единый континуум сознания и бытия, который задает неопределенность процесса и результата взаимодействия с миром. Принципиальное отличие принципа неопределенности в физике и психологии лежит в открытости человека и сложнейшей взаимосвязанности всех психических систем его организации. Здесь принцип субъектности, авторства собственного развития, неопределенности и уникальности путей развития психики становится ключевым для нового понимания принципа детерминизма. Авторство собственного развития – это процесс индивидуального развития дифференциации–интеграции, непрерывность которого субъективно связана с непрерывностью собственного авторства, отнесенности к “Я”, которое предвосхищается его индивидуальной историей и определяет выбор в среде и варианты развития. Более того, протекание психических процессов как на микро-, так и на макроуровнях,

всегда предполагает предвидение, антиципацию, предвосхищение [7, 9].

На основе исследований автора, коллег, учеников были выделены и проанализированы уровни развития субъектности человека на ранних стадиях онтогенеза [7, 8, 9]. Смысл подробного анализа развития субъектности состоит в том, что обоснование принципа субъектности в психологии развития потребовало аргументации его применимости к разным феноменам и процессам психического развития. Второй важный смысл нашего рассмотрения состоял в демонстрации необходимости изучения и учета развития человека как субъекта, чья избирательность, выбор внешних воздействий и взаимодействий, указывает на его индивидуальность с самого начала жизни. Третий смысл рассмотрения субъектогенеза – это демонстрация тесного переплетения принципа субъектности, непрерывности и антиципации в анализе феноменов развития человека. Мы также обнаруживаем тесное переплетение принципа субъектности с принципами неопределенности, “авторством психической активности”, принципом системности, который продемонстрирован через анализ субъекта как системы всех способностей, свойств, активностей, где субъект является системообразующим фактором. Тесную взаимосвязь принципов субъектности и антиципации можно обнаружить в последовательности и предвосхищающем характере уровней субъектного развития, в возможности антиципации внешних воздействий и взаимодействий в зависимости от уровня субъектного развития [8].

Таким образом, идеи разработки принципа развития в психологии, представленные в работах Л.И. Анцыферовой, получили свое дальнейшее изучение в работах лаборатории психологии развития. Принцип развития содержательно дополнен принципами антиципации, непрерывности и субъектности, при этом получена экспериментальная верификация возможностей данного содержательного насыщения принципа развития [9]. Аргументация включения в принципы развития субъектности ставит вопрос о соотношении понятий субъекта и личности.

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА И ЛИЧНОСТИ

Л.И. Анцыферова отмечает, что в работах С.Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность. «Он часто пишет о “личности”, “субъекте” и “человеке” как синонимах...» [1, с. 219]. Его интересует активность человека, субъекта, личности в дея-

тельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как стержневом качестве личности, употребляя такие понятия как “субъект практики”, “субъект истории”. Анализируя теории личности, Л.И. Анцыферова указывает, что субъект в них “...характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности. Он инициирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи, вырабатывает способность ладить с людьми, создает условия для развития личности и т.д. Но за пределами исследований остается такое содержательное, ценностно-смысловое измерение, которое характеризует человека как личность. В число особенностей субъекта не входят те, которые заключены в понятиях духовности, гуманности, нравственности, совести, добродетельности и т.п.” [1, с. 362]. Далее она указывает, что существует неравномерность в развитии человека как субъекта и как личности. Один из вариантов рассогласования – это высокий уровень развития субъектности при низком уровне развития личности. Например, люди, преуспевающие в бизнесе, политике и других областях, могут быть недостаточно развиты личностно. “Высокое же развитие человека как личности невозможно без столь высокого развития его как субъекта” [1, с. 363]. При таком варианте человек должен отстаивать свои идеалы, убеждения, реализовывать себя в деятельности, т.е. соответствовать своему содержанию.

Обсуждая ограничения субъектно-деятельностного подхода, Л.И. Анцыферова указывает, что данный подход акцентировал значение деятельности “как созидания, преобразования, совершенствования окружающего мира” [1, с. 219]. Следовательно, деятельность становилась основным способом существования, при этом в рамках данного подхода подчеркивалась неразрывная связь деятельности с действующим лицом как ее инициатором. «По существу этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход полноту душевной жизни, “своеобразные движения” внутреннего мира?» – спрашивает Анцыферова [1, с. 220]. Ее представление о личности несводимо к рамкам субъектно-деятельностного подхода. В ее понимании “личность соразмерна не деятельности и даже не жизненному пути, а целостному индивидуальному пространству и времени творимой им жизни. Личностное пространство наполнено индивидуальными градиентами значимости, валентностями; областями, отмеченными поло-

жительными, отрицательными, нейтральными модальностями. Именно этим живым, движущимся пространствам (*Life-Span*), а не жизненной линией или жизненным путем (*Life-Line*) взрезается личность в исторически развивающемся пространстве жизни общества, человечества” [1, с. 220–221].

Субъектно-деятельностный подход противостоит другому направлению в исследовании личности, в котором личность выступает как набор черт, конструктов, параметров, ценностей, убеждений и т.п. Анцыферова подчеркивает, что все эти характеристики личности представляют продукт конструирования жизни самой личностью, ее “произвола”.

Раскрывая соотношение субъекта и личности, Людмила Ивановна дает следующее определение: «Личность как субъект “ваяет” себя, выстраивая и создавая пространство собственной жизни, уникальный жизненный мир. Субъект ставит цели и намечает жизненные планы, избирает стратегии жизни» [1, с. 223]. Отсюда она видит основную задачу ученого в выделении и изучении тех “жизнетворческих способностей”, психологических оснований и “механизмов”, которые обеспечивают переход личности на более высокий уровень субъектности.

Разработка системно-субъектного подхода, предпринятая в последние годы, отчасти находится в соответствии с положениями об ограничениях субъектно-деятельностной парадигмы, обоснованных Л.И. Анцыферовой.

Приведенное автором статьи сравнение подходов показывает, что многие ключевые проблемы современной психологии имеют общие, сходные решения в системном (и теории динамических систем) и субъектно-деятельностном подходах. Это положение об имманентной динамике психического и динамике систем – единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития, идеи неразрывности биосоциальной природы человека: “внешнее через внутреннее”, саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодеятельности), целостный, интегративный характер субъекта, системной организации его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы. Это означает не просто соединение, а создание новой парадигмы, вносящей иные аспекты в изучение человека, которые в рамках объединяемых подходов оставались на периферии. Так, в системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъек-

екту как активному и пристрастному “деятелю” собственного бытия, собственной деятельности, активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе проблемными остаются анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представления о структуре этой организации. Эти слабые стороны обоих подходов привели к необходимости их объединения, что дает, на наш взгляд, преимущества на пути целостного изучения человека [8]. В рамках разрабатываемого подхода вопрос о соотношении субъекта и личности решается несколько иначе, чем у Л.И. Анцыферовой.

Нами обоснована гипотеза о соотношении субъекта и личности, в которой две ипостаси человеческой индивидуальности: субъект и личность – представляют неразрывное единство и развиваются, начиная с самых первых этапов онтогенеза. Уровни субъектно-личностного развития как увеличивающиеся и усложняющиеся структуры рассматриваются всегда присутствующими на любом этапе онтогенеза человека. Уровни этой организации обладают своей спецификой как в функциональном, так и в структурном отношении. При этом развитие подчиняется континуально-генетическому принципу непрерывности и преемственности развития, интеграции–дифференциации (подробнее см. [7]).

Дальнейшая разработка представлений об уровнях становления субъектности связана с выделением функций субъекта, которое было предложено нами в поисках дифференциации образований личности и субъекта. Определяя категорию субъекта как центральную в системно-субъектном подходе, необходимо найти те специфические функции, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки [8]. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно.

Мы полагаем, что в качестве *когнитивной функции* по отношению к субъектности выступает понимание коммуникативной функции – континуум субъект–субъектных и субъект–объектных взаимодействий, в качестве регулятивной функции – контроль поведения и самопроизвольность [8]. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) (подробнее см. [8]). Выделяя функции субъекта, мы

надеемся не только уточнить критерии субъектности, дифференцировать структуры личности и субъекта, но и полнее представить картину уровня развития субъекта.

Для личности специфика функций может быть описана по аналогии с функциями субъекта: когнитивная функция – осмысление (порождение смыслов, личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций); регулятивная функция – переживание, которое указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; и коммуникативная функция – направленность на определенные значимые аспекты реальности. При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения, изменения и контроля поведения, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта. Реципрокность функционального взаимодействия субъекта и личности открывает возможность не только анализа развития психологической зрелости человека как гармоничного соответствия организации этих интегративных подсистем человеческой индивидуальности, но и позволяет связать воедино представление о содержательных основах внутреннего пространства человека и особенностях выборов, действий и поступков во внешнем социальном пространстве. Придерживаясь изложенной точки зрения, трудно представить “переход личности на более высокий уровень субъектности”, как полагала Л.И. Анцыферова, поскольку в этом случае встает вопрос о необходимости и самостоятельности категории субъекта. Но задача изучения “психологических оснований и механизмов” остается актуальной и современной для понимания соотношения субъекта и личности.

Жаль, что предложенную гипотезу не удалось обсудить с Л.И. Анцыферовой.

ВОЗРАСТНЫЕ КООРДИНАТЫ ЖИЗНИ

Еще одна идея Л.И. Анцыферовой, которая в настоящее время теоретически и эмпирически разрабатывается в психологии развития, относится к проблемам геронтопсихологии. Людмила

Ивановна посвятила большое число своих работ проблемам развития личности в пожилом и старческом возрастах, проблеме мудрости и ее проявлений в разные периоды онтогенеза человека, включая период старения. Идеи, высказанные ею в этих работах, становятся основой современных исследований. Все ее работы убедительно доказывают, что период старения нельзя рассматривать как тотальный регресс. В противовес представлениям о поступательном развитии личности, Л.И. Анцыферова подчеркивает нелинейный, а точнее, неоднородный процесс ее развития. Она писала: “Личностное развитие представляет собой двуколейный процесс, включающий перемещение субъекта в плоскости сознания и даже поведение назад, к своему прошлому, с последующим возобновлением поступательного движения. Подчеркнем, что в данном контексте движение вспять является не регрессом, а механизмом обогащения личности латентными новообразованиями пройденных стадий, которые оцениваются и переосмысливаются ею с позиций актуального настоящего” [1, с. 265].

Анализируя проблемы геронтопсихологии, Л.И. Анцыферова боролась за изменение отношения к старости как сложившемуся социальному стереотипу. “Положение о значимости субъективного отношения человека к социальным воздействиям, стереотипам и шаблонам обретает особый смысл применительно к анализу жизни людей в поздние годы. Результаты эмпирических исследований показывают, что многие характерные черты пожилых обусловлены распространенными в обществе негативными стереотипами стариков как людей бесполезных, интеллектуально деградирующих, беспомощных”, – пишет она [1, с. 264]. Эти стереотипы снижают самооценку пожилых людей, вызывая боязнь своим поведением подтвердить их. Но люди, сохранившие “упорство духа”, опираются на собственные оценки, компенсируя старческие потери, нежелательные изменения, вырабатывая свои “техники” жизни. Она подчеркивала: “Субъекты своей жизни живут по собственным меркам. Заметив у себя нежелательные изменения, они изобретательно компенсируют их, не снижая самооценки” [1, с. 265].

Л.И. Анцыферова проанализировала большой объем отечественных и зарубежных источников и выделила типы и условия продуктивного старения. Она обращалась и к работам П. Балтеса (*Baltes*), который ввел термин “успешное старение” в отличие от нормального старения. Именно его работы вошли в обзор современных подходов к проблемам старения [11]. П. Балтес и Л. Карстенсен определяют успешное старение

как максимальное использование имеющихся у человека ресурсов. Принципиально, что авторы уходят от физических и физиологических составляющих старения, делая акцент на возможностях и потенциалах человека. При сравнении объективных показателей успешности старения и субъективных представлений оказалось, что 36 % опрошенных, которые, по объективным оценкам, старели успешно, так не считали, а 47 % тех, кто, по объективным оценкам, старели неуспешно, субъективно были уверены в обратном [11].

Развивая идеи Л.И. Анцыферовой о непрерывном развитии личности и ее вариантах преобразований в период старения, мы обратились к изучению субъективного возраста человека. Субъективный возраст человека – это самовосприятие собственного возраста. Когнитивная иллюзия возраста – это разница между хронологическим и субъективным возрастом человека, которая возникает в процессе жизни человека. Хронологический возраст отражает, сколько лет прожито, а субъективный возраст свидетельствует, на какой возраст субъективно ощущает себя человек. Причем, если подростки и молодые люди оценивают свой возраст в сторону его увеличения, т.е. оценивают себя старше, то после 25 лет нарастает тенденция оценивать себя моложе своего хронологического возраста. При этом разница хронологического и субъективного возрастов нарастает и, особенно значительно, после 50 лет, достигая 16 лет и более у пожилых людей. Мы относим субъективный возраст именно к личностным образованиям, поскольку он указывает на субъективную возрастную идентичность. Категория субъективного возраста становится не альтернативой типологическому (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина, В.Н. Дружинин, К.Г. Юнг, В.И. Ковалев), причинно-целевому (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров, В.В. Нуркова) и мотивационному (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, А. Сырцова, Н.Н. Толстых) подходам к проблеме человека и времени, а иным ракурсом ее рассмотрения (подробнее см. [10]).

С позиций системно-субъектного подхода, личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически, это соотношение можно представить в виде *командного и исполнительного* звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Именно разработка соотношения субъекта и личности потребовала обращения к конструкту субъективного возраста, в котором пересекаются ценностно-смысловые

координаты личностного времени, возрастной идентичности и возможности самореализации, активности субъекта, направляемой и регулируемой этими личностными направляющими. Субъективный возраст человека фактически описывает динамику возрастной идентичности. Он становится тем стержневым представлением, относительно которого человек воспринимает себя в жизненном пространстве, позиционирует себя в социальном пространстве, испытывает удовлетворенность собственной жизнью.

Данный конструкт, несмотря на интенсивные исследования личностного восприятия жизненного пути и временной перспективы, в отечественной психологии не изучался. В тоже время, как показали западные исследования, субъективный возраст человека тесно связан с его физическим и психологическим здоровьем, удовлетворенностью жизнью, временной перспективой и индивидуально-психологической организацией [15, 16, 18–20]. Так, Ф. Карп и А. Карп (*Carp, Carp*) [16] изучали субъективный возраст и функциональный уровень 352 пожилых людей в возрасте 72 лет, недавно переехавших в дом престарелых. Они показали, что субъективный возраст не связан с хронологическим ($r = 0.05$), и, главное, что опрошенные, сообщавшие о более молодом возрасте, отличались лучшими показателями силы Эго, позитивным отношением к другим людям, чувствовали свою полезность, лучше воспринимали ситуацию перемещения и контролировали ее. Эти результаты свидетельствуют о том, что, зная субъективный возраст, можно предсказать успешность адаптации к новым условиям жизни.

К.С. Маркидас и Дж. Болт (*Markides, Bolt*) [21] проанализировали характеристики пожилых людей между двумя срезами исследований. Они оценивали психологические, физические и социальные переменные: социально-экономический статус, семейное положение, уровень доходов, социальной поддержки, субъективный возраст, субъективное здоровье. В результате сравнения 59 человек, умерших за это время, с живущими из 510 человек общей выборки, оказалось, что живущие отличались лучшим восприятием собственного здоровья, более высокими жизненными ожиданиями и более молодым субъективным возрастом в первом исследовании. *Субъективный возраст оказался предиктором смертности.*

При изучении субъективного возраста у пожилых людей в возрасте 83 лет, получающих помощь сиделок, было обнаружено, что их субъективный возраст на 11 лет моложе. Кроме того, в этой выборке у трети респондентов наблюдалась

депрессия, они имели в среднем три хронических заболевания, но, несмотря на такое тяжелое положение, демонстрировали когнитивную возрастную иллюзию более молодого возраста [24]. Данные свидетельствуют о том, что субъективное восприятие здоровья играет более существенную роль в определении субъективного возраста, чем реальное здоровье.

Приведенные примеры исследований удивительным образом согласуются с идеями и утверждениями Л.И. Анцыферовой, указывая на значение личностного развития для позднего периода жизни, на важную роль субъективной возрастной идентичности как динамичного и гибкого образования, обеспечивающего адаптацию пожилых людей.

Наиболее существенным объяснением феномена когнитивной иллюзии субъективного возраста оказалось предположение, что значительно более молодой субъективный возраст в пожилом возрасте служит для избегания негативной установки на старение, стереотипов позднего этапа жизни, когда люди ощущают себя за бортом социума, ненужными обществу [17]. Большинство эмпирических исследований не подтвердили идею, что люди негативно смотрят на старение. Данные не выявили связи между установками на старение и субъективным возрастом [22, 26].

Дж. Монтепеа и М. Лэчман (*Montepare, Lachman*) [23] оценивали страх старения и субъективный возраст у женщин среднего возраста (средний возраст 36 лет). Они обнаружили, что не существует связи между этими переменными у респондентов старшего возраста, хотя молодые люди с наиболее высокими значениями субъективного возраста показывают страх старения. Более того, они нашли, что женщины с высокими показателями по субъективному возрасту (они чувствовали себя старше других) сообщали о высокой удовлетворенности жизнью. Данные ставят вопрос о том, что не всегда те, кто чувствуют себя более молодыми, также чувствуют себя более счастливыми.

Таким образом, утверждение, что негативные установки старого возраста ведут к относительно более молодому субъективному возрасту, не подтвердились.

В нашей работе, которая начата несколько лет назад, мы изучали субъективный возраст, его внутренние и внешние маркеры, психологическое здоровье у людей от 20 до 70 лет. Оценивались субъективный возраст и его составляющие (биологический субъективный возраст: на сколько лет человек себя чувствует; эмоциональный субъек-

тивный возраст: на сколько лет он выглядит; социальный субъективный возраст: на сколько лет он действует; и интеллектуальный субъективный возраст: какому возрасту соответствуют его интересы) (опросник Б. Барака, [14]). Временная перспектива личности оценивалась с помощью методики Ф. Зимбардо (*ZTPI*) [12]. Для оценки собственного психологического здоровья применялся русскоязычный вариант “Опросник *SF-36*” (“*Health status survey*”, *Short Form*) [3, 25]. В данном опроснике шкалы сгруппированы в два показателя – “физический компонент здоровья” и “психологический компонент здоровья”. Важным для изучения маркеров субъективного возраста был метод оценок возраста по фотографиям моделей (реальных людей, по 10 примеров в каждой возрастной группе: 20–30, 40–50 и 60–70 лет). Приведем кратко лишь некоторые результаты работы.

Разница субъективного и хронологического возраста изменяется, и существенно: если в группе молодых людей субъективный возраст фактически равен календарному, то уже у людей 40–50 лет возникает когнитивная иллюзия возраста, они ощущают себя моложе почти на 5 лет, а пожилые – на 11 лет. При этом обнаружена неравномерность субъективной возрастной идентификации во всех возрастных группах. Составляющие субъективного возраста выражены различно. Наиболее близкие значения к хронологическому возрасту наблюдаются при оценке субъективного биологического и эмоционального возрастов, а значительные отличия – при оценке субъективного социального и интеллектуального возрастов.

Желание чувствовать себя более молодым у людей старшего возраста, выглядеть моложе, действовать как молодой и интересоваться тем, чем интересуются молодые, может рассматриваться как специальный механизм психологической поддержки (механизм психологической защиты, совладания с проблемами старения). Поддержание такой позитивной иллюзии тесно взаимосвязано с установками общества на молодость, с одной стороны, когда ценность члена общества оценивается относительно его эффективного и продуктивного возраста. С другой стороны, индивидуальные личностные свойства и установки также взаимосвязаны с величиной и фактом позитивной иллюзии возраста.

Общая тенденция увеличения разницы между актуальным и субъективным возрастом на поздних этапах онтогенеза в то же время сопровождается значимыми различиями внутри возрастной группы. Так, например, изучение когорты 60-летних в целом подтверждает, что они моложе

по субъективной идентичности в целом, но среди них есть индивиды, ощущающие себя ещё более молодыми, ощущающие себя на тот же возраст и старше. Кроме того, показано, что могут происходить изменения восприятия собственного возраста. Лонгитюдные исследования обнаружили, что изменения здоровья являются предиктором изменений субъективного возраста [21]. Однако сравнение людей с типичным развитием и серьезными двигательными проблемами (*cerebral palsy*, *spina bifida*) показали, что они имеют сходный субъективный возраст [19]. Важные жизненные события также оказывают влияние на возрастную идентичность. Например, люди в период поздней зрелости оценивают субъективный возраст ближе к хронологическому при приближении дня рождения; разница увеличивается в сторону более молодого субъективного возраста при удаленности от этой даты [23].

Переоценка своего возраста была выше в тех областях, где нелегко однозначно получить информацию, обратную связь. Биологические аспекты субъективного возраста, такие как здоровье и привлекательность, дают более однозначные обратные связи, их стандарты менее двусмысленны, чем общее восприятие возраста или возрастной активности и интересов. Так, в наших исследованиях минимальная разница хронологического и субъективного возраста обнаружена именно в эмоциональной оценке собственного внешнего вида. Действительно, именно здоровье и привлекательность выступали высоко надежными предикторами возрастной идентификации.

Другой информационный аспект относится к тем прототипам, относительно которых люди себя оценивают. Так, если люди ориентируются на устаревшие прототипы (например, предыдущей генерации) для оценки их собственного субъективного возраста, то они могут недооценивать возраст и других людей. Этот аспект не был исследован экспериментально, и он связан с вопросом о влиянии возрастных стереотипов, их имплицитных моделей и динамики в развитии человека. В дипломной работе Ю.Д. Киреевой [10], выполненной под руководством автора, сравнивался хронологический возраст человека на фотографии и его субъективная оценка респондентами (как он выглядит, что соответствует эмоциональному субъективному возрасту). В исследовании участвовало 86 человек. Возраст, оцениваемый по фотографиям, отличался значительно большей реалистичностью и был близок к хронологическому возрасту моделей. Эти данные указывают на то, что люди в большей степени ориентируются на реальные представления о себе, временные

сравнения собственных представлений (о физическом состоянии и привлекательности), чем на стереотипы и идеалы, транслируемые социумом (ценность молодости любой ценой, молодящиеся вечно юные образцы актрис, медийных персонажей и т.п.). В этом случае подтверждается предположение о большей надежности обратных связей о физическом состоянии и привлекательности человека для когнитивных имплицитных моделей возраста и его идентификации, по сравнению с социально обусловленными сравнениями как основе возрастной идентичности.

Изучение временной перспективы в разных возрастных группах показало нарастание роли Гедонистического настоящего и его значение во всех возрастах. Кроме того, более молодой субъективный возраст у людей 40–50 лет сопряжен с Позитивным прошлым, т.е. люди чувствуют себя моложе при позитивной истории своей жизни, которая может выступать их ресурсом. Пожилые люди, сохраняя ориентацию на Гедонистическое настоящее, становятся уязвимыми по отношению к своему Негативному прошлому (чем человек моложе, тем в меньшей степени это определяется его негативным прошлым опытом). Таким образом, груз негативного прошлого старит человека. Современные пожилые люди предпочитают ориентироваться на настоящее, реализацию в нем.

Субъективная оценка здоровья показала, что её значение существенно нарастает с возрастом. Субъективный возраст продемонстрировал большое количество корреляций именно в возрастной группе 60–70 лет. Если люди в возрасте 60–70 лет при проблемах со здоровьем в основном чувствуют себя старше и ближе к своему хронологическому возрасту, у людей 40–50 лет подобная тенденция проявляется только тогда, когда здоровье ограничивает их социальную активность. У молодых людей показаны обратные связи: люди в возрасте 20–30 лет, если состояние здоровья ограничивает их жизнь, оценивают себя младше, возможно, беспомощнее, то есть “регрессируют” в возрасте. Необходимо отметить, что никаких корреляционных связей показателей качества здоровья и хронологического возраста в разных группах обнаружено не было.

Хотелось бы подчеркнуть, что ни одна переменная ни в одной возрастной группе не показала связей с хронологическим возрастом, а только с субъективным возрастом и его составляющими. Это свидетельствует о том, что именно возрастная идентификация становится тем личностным внутренним маркером в оценке и временной перспективы, и качества своего здоровья и, как по-

казано в другой работе, возможностей регуляции поведения [10].

Изучение субъективного возраста человека выступает примером развития идеи Л.И. Анцыферовой о значении личностного развития в пожилом возрасте. Гибкость субъективной возрастной идентификации можно рассматривать в качестве одного из психологических механизмов адаптации в пожилом возрасте.

В настоящей работе мы коснулись только трех вопросов, разработка которых Л.И. Анцыферовой стала основой и направлением дальнейших теоретических и эмпирических исследований. Богатство ее идей в области психологии развития, психологии личности и психологической науки в целом составляет значительный потенциал самых современных научных поисков и решений.

Научные работы Л.И. Анцыферовой, ее честность и вдумчивость как ученого являются фундаментом отечественной науки. Ее преданность психологии лучше всего выразила она сама: “Это единственная из наук, из которой я сама состою как личность” [1, с. 502].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2-е испр. и доп. изд., 2006.
2. *Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф.* Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 9–36.
3. *Гуревич К.Г., Фабрикант Е.Г.* Методические рекомендации по организации программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний // ГОУ ВПО Московский государственный медико-стоматологический университет, 2008. URL: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html> (дата обращения: 19.07.2014).
4. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.
5. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
6. *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980.
7. *Сергиенко Е.А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 50–67.
8. *Сергиенко Е.А.* Системно-субъектный подход: основание и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.

9. *Сергиенко Е.А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.07.2014).
10. *Сергиенко Е.А.* Субъективный и хронологический возраст человека. Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.07.2014).
11. *Стрижицкая О.Ю.* Современные проблемы психологии старения // Здоровая личность / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. С. 326–355.
12. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.
13. *Уоддингтон К.Х.* На пути к теоретической биологии. I. Прологомены. М.: Мир, 1970. С. 147.
14. *Barak B.* Age identity: A cross-cultural global approach // Intern. Journ. of behavioral development. 2009. V. 33 (1). P. 2–11.
15. *Braman A.C.* What is subjective age and who does one determine it: the role of social and temporal comparisons. Dissertation presented to the Graduate School of Arts and Sciences of Washington University. Saint Louis, Missouri. 2002.
16. *Carp F.M., Carp A.* The validity, reliability and generalizability of diary data // Experimental Aging Research: An International Journal Devoted to the Scientific Study of the Aging Process. 1981. V. 7. № 3. P. 281–296.
17. *Cooper P.E., Thomas L.E., Stevens S.J., Suscovich D.* Subjective time experience in an intergenerational sample // International Journ. of aging and human development. 1981. V. 13 (1). P. 183–193.
18. *Galambos N.L., Turner P.K., Tilton-Weaver L.C.* Chronological and subjective age in emerging adulthood: the crossover effect // Journ. of adolescent research. 2005. V. 20. P. 538–556.
19. *Hublely A., Russel L.* Prediction of subjective age, desire age, and age satisfaction in older adults: do some health dimensions contribute more than other? // Intern. Journ. of behavioral development. 2009. V. 33(1). P. 12–21.
20. *Lang F.R., Carstensen L.L.* Time counts: future time perspective, goal and social relationships // Psychology and Aging. 2002. V. 17. P. 125–139.
21. *Markides K.S., Boldt J.S.* Change in subjective age among the elderly // Gerontology. 1983. V. 23. P. 422–427.
22. *Mossey J.M.* Importance of self-perceptions for health status among older persons / Emerging issues in mental health and aging. M. Gatz (Ed.) Washington, DC: American Psychological association, 1995. P. 124–165.
23. *Montepare J.M., Lachman M.E.* “You are only as old as you feel”: self-perceptions of age, fears of aging, and life satisfaction from adolescence to old age // Psychology and aging. 1989. V. 4. P. 73–78.
24. *Staats S., Heaphy K., Miller D., Partlo C., Romine N., Stubbs K.* Subjective age and health perception of older persons: maintaining the youthful bias in sickness and in health // International Journ. of aging and human development. 1993. V. 37. P. 191–203.
25. *Ware J.E.J., Kosinski M., Keller S.D.* SF-36 physical and mental health summary scale: a user’s manual. Boston, MA: The Health Institute, New England Medical Centre, 1994.
26. *Zola I.K.* Feeling about age among older people // Journ. of gerontology. 1962. V. 17. P. 65–68.

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY: L.I. ANTYSYFEROVA’S IDEAS AND THEIR DEVELOPMENT IN MODERN SCIENCE

E. A. Sergienko

*Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of developmental psychology,
Federal state-financed institution, Institute of Psychology RAS, Moscow*

Addressing the scientific heritage of L.I. Antsyferova, there were highlighted three ideas in developmental psychology: the developmental principle of psychology, the relationships between Person and Subject and age coordinates of human life (Ageing). There was shown contemporary and efficiency of her ideas and continued development in research. It is the necessity of filling content of the principle of development in psychology, which is inextricably linked with the principles of continuity, of anticipation, of subjectivity. In the development of L.I. Antsyferova’s ideas we proposed hypothesis of the relationship between subject and personality as inseparable incarnation of human individuality, continuously developing in ontogeny. Antsyferova expressed position on productive aging based on the reorganization of the person we were seen in the optical coordinate subjective age identity (subjective age of a person). It is shown that ideas of L.I. Antsyferova serve as landmarks in the development of modern issues of developmental psychology and psychology in general.

Key words: developmental psychology, the development principle in psychology, continuity of development, the principle of anticipation, the principle of subjectivity, the relation of the subject and person, successful aging, subjective age.